

ЭТОТ ВОЙЛОЧНЫЙ двор забеленный,
И рябиновый рой надо мной,
В шелухе отжелтевшего клена
Редких лавочек сломанный строй,
Влажных улиц пролеты тугие,
Волнорез углового метро —
Остановка, шаги верстовые,
Побирушки...
И тот метроном,
Что отсчитывал нашу с тобою
На двоих беспокойную речь.
Это осень и запах алоэ —
Право жить и желание слечь.

ОСЕНЬ БАБА — НЕ ДУРА, такие погоды
Застоялись, глаза на гроздь рябины.
Для тебя одного эти дни непригодны,
Лишь тебе одному не нужны и безвинны.

Осень баба — не промах, такие закаты
Замирают торжественно ровно над крышей.
Вот шархнул дождь в этот вечер покатый,
Но тебе все равно, ничего ты не услышишь.

В черно-белой палитре, как будто с плаката,
И луна угловата, и запах немислим.
«Виновата! — твердишь, — «Ты во всем
виновата!»».
И другие слова не подпустишь на выстрел.

И захочешь — не скажешь... Не истины ради
Этот лист раскачался, упрямый и тощий.
Осень баба — как баба, в измятом наряде
Суетливо спешит через желтую площадь.

ОН ГОВОРIT НЕ «КАПАЕТ», а «дождик
капиит»,
И подает старухам на ветхой паперти,
Кормит собак с ладони и мне смеется,
Ежится так забавно и долго мнетя
Прежде, чем подойти, подставить
Плечо объятью,
Не замечает слез моих, новых платьев,
Все ему в небе ворох из туч и песен.
Мне хорошо с ним рядом, когда мы вместе.
Волос его колючий рукой пригладить,
Не «капиит дождь», а капает ... впрочем, ладно.

«Прокляну — говорит, — даже имя само твое,
лишь».

Сам ступает степенно и важно по павшим
листьям.

«Ведь если бы не по-моему, мы бы давно
пропали бы».

А небо совсем сомлело, и свет стал палевым.

И ложится кленовая стая неровным клином,
Ускользает в неверном ветре, летит за спину.

«За любовь мою — растоптала! Сейчас уйду я...».
А ветер целует ветви и в ус не дует.

И ноги совсем продрогли. «За что меня ты?».
Вороватая синь крадется к окошкам мятным.
«Ты не слышишь меня, Наташа!».

Зачем же,
слышу.
Вон луна, как больная цапля, на дальней крыше

Затаилась и ждет, и дрожит бесстрашно.
«Зря не веришь, над всем есть Бог, он тебя
накажет

за неверность твою...». Но уносит осень
похвальбу твою — пустельгу, за надбровья
сосен.

Страшно остаться
Совсем без музыки.

Видишь, ветер сгоняет
На лужи тени.

На узкие улицы рвутся узники.
Сколько их было на самом деле?

Эники-беники что-то если.
Эники-беники, кто-то вышел.

Штатает шепот мой шаткий терем.
С утра морозило, ты не слышал?

Гуляет шарф тугой,
Дождь за ворот.

Зачем ты просишь, о чем не знаешь?
Нас было двое,

Осталась — осень.
И ночь холодная,

Но не злая.

А впрочем, было ли это — «двое»?
Подслеповато моргнула лампа.

А тело, знаешь, оно — не голое.
Оно, нагое,

Не виновато.